

На рубеже тысячелетий, с выходом больших поэм, многие открыли в Юрии Кузнецове выразителя честной гражданской позиции и просветленного религиозного чувства.

Её открыл выдающийся ученый и педагог, ректор Литинститута Борис Николаевич Тарасов. Он напомнил, что с кон-

Тютчева за «косноязычие», под которым следует понимать неумение найти дорогу к сердцу народа:

Многие выступающие в разговоре о творчестве Кузнецова затрагивали кардинальные вопросы бытия. В.И. Гусев опре-

мять (можно вспомнить, что в одном из произведений поэта Гуттенберг помещен в Ада. Интересно выступил П.В. Пали-

Не проворонить бы Россию - Родные милые места. Хотел Кузнецов или нет, он

продолжателей. И он, думается, прав. Генис ежедневно не рождаются. Даже в России.

Юбилею Победы

1945 2010

Лев Рябчиков

Без вести пропавшие

Может быть, Карнилов и Васильев, Выступив все пули во врагу, До укрытый тетра не ослили, Рухнули б на землю на безу.

Переделино, 17-18 марта, 2010

«XXI ВЕК - ЗА ТОБОЙ. И НАДОЛГО»

(очерк IV научно-практической конференции, посвящённой творческому наследию Ю.П. Кузнецова)

Не зря в глухом пренебрежении К святым распеваем старины Он лютеран богослужение Любил смотреть со стороны.

делит народ как создателя материальных и духовных ценностей; С.А. Небольсин, анализируя стихотворения Кузнецова «Федора» и «Аннота», обратил внимание, как Кузнецов выделил два качества русского народа: с одной стороны, крылатость, полёт, с другой - гениальную способность саботировать всё ложное и фальшивое, зовущее якобы вперед.

евский, заявивший, что Кузнецов отторгал от себя Тряпкина и Рубцова, «поэтов русской резервации», ибо понимал Россию как мировое явление, решающее проблемы вселенского уровня.

был лидером направления, которому с лёгкой руки Кожнова дали наименование «тихой лирики» и которое, конгенитально деревенской прозе, послужило актом самопозиционирования русского народа в тяжелейший момент его истории.

ца шестидесяти Литинститут стал для Юрия Кузнецова настоящим домом. Здесь он учился, преподавал. Бывшие ученики с большой благодарностью вспоминают о его уроках. И этот человек, отметил ректор, уникален как поэт метафизического значения. Мы всё яснее видим: явление, называемое Юрий Кузнецов, не знает берегов.

Свою миссию Юрий Кузнецов видел в том, чтобы приблизить к современному читателю классику. У него была мечта заново перевести Гомера, «Сотворившего», которое предпринял Кузнецов, переводчик на современный русский язык «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, посвятив доклад профессор Тверского университета В.А. Редкин. Он обратил внимание на очень смелый прием: Юрий Кузнецов изменил жанр прозы изведения, преобразив публицистическое «Слово» в поэму.

Секретарь Союза писателей Лола Звонарева размышляла о методах популяризации поэзии Кузнецова в школе. В.Г. Бондаренко, В.В. Огрызко, И.И. Ростовцева, М.Н. Аввакумова, Ю.М. Лоцик, И.Н. Тюленев, В. Шапошников делились воспоминаниями о Юрии Кузнецове. Очень интересно выступила ученица поэта Марина Гах, заметившая, что все гении глубоко национальны, ибо понимают народ на генном уровне. Она рассказала, как трактовала на своём поэтическом семинаре Юрий Кузнецов понятия «Родина - Отчизна - Отечество».

«архетипа», то «вразийства». «Мы поедем во Францию-город На руины великих идей», - говорил поэт. Но он же с презрением описывал Петрашку, высокомерно отыгравшего о слывах, и в стихотворении «На Родине Тютчева» предостерег:

Ты помнил тех далёких, но живых, Ты победил косноязычие мира, И в наши дни ты поднял лиру их, Хоть тяжела классическая лира!

В стихотворении «Классическая лира» Кузнецов сурово сказал, что не видит своих

Философия Блудилина-Аверьяна

Откуда добро? Откуда зло? Что такое добро? Что такое Ум, откуда он взялся?

Винк — и напал на позитивизм, олицетворивший пороки мышления. Позитивизм как научный подход к явлениям жизни больше столетия, а в начале промышленной революции, был господствующим настроением прогрессистов, веривших, что пора человеку не путаться с непонятными силами, а самому творить разумом.

этом искренняя, пылкая, чистая страсть достичь такого же понимания мира. От позитивизма в национальной форме марксизма-ленинизма, наложившего на него печать точно так же, как на всю Россию и на многие умы Запада, автор стремится к высшему. Он себя поучает: «Нельзя, нельзя не думать о системе последних ценностей и всеобщего бытия, и своего личного бытия, неразрывно связанных! Можно ли свою единственную жизнь отдавать за дурацкую демократию какою-нибудь, за торжество того или иного политик!»

да внешне табу стали содержанием совести, одно приветствующей, другое ухулящей, одно развивающей в ущерб другому. Хотя у жизни, как она создана Тем, Кто знал, что делает, нет ни совести, ни стыда.

Этот Блудилин-Аверьян понял. Понял по-своему. «Наука, — пишет, — в своём плохом возмечении факта и игнорировании таинственного как составного элемента жизни приводит к обеднению Картины». И когда дальше пишет он про свою жажду «последних ценностей», это не ценности позитивизма, опи-

лашов, поэт и мыслитель, что книге не хватает полёта, крыльев. Недаром структура книги — комментарий к цитатам, в духе конфиданцера, известного тем, что вместо вольной и не сдерживаемой философии занимался составлением толкований к классическим сочинениям. Недаром самый личностный, наименее склоняющийся перед благопристойностью, самый свободный раздел книги — так называемое «Из дневника», где умоляет «Эхо» и начинает говорить в полный голос «Его». Ведь, может, совесть и стыд — грех-то и есть, по Кьеркегору, считавше-

цу. Но бдительное «Эхо» мешается: с одной стороны, оно как трамплин в трансцендентное, с другой — часто трамплин сомнительный. Так, в первом выпуске «Эхо и Его» черзерном много посвящается анализу Шагина. Странно для человека, знакомого с плеядой свободнейших и менее позитивных умов, выбрать трамплином достаточно умную и довольно талантливую в быденном смысле личность. Такой интерес объясняется, может, тем, что Шагин и есть элемент «Эхо», которое автор пытается вырвать из себя любой ценой, — как часто мы, например, не любя что в себе, стоим меж тем перед зеркалом, вскармливая свою ненависть.

данный ей за постижения, есть мир Бога, властителя бездн, оставивший мудростью мира ради «ясного и отчётливого»; это мир Бога с его юродивыми, пророками, с Ницше, тоже в болезни вышедшем за пределы позитивизма. Раздвоенность, впрочем, суть его мира. Заслуга Блудилина-Аверьяна — в стремлении вырваться. А для этого, сам он дал намёк, нужно найти Бога — не Бога морали, но Бога Живого.

Мне эти вопросы представляются основополагающими... И. Блудилин-Аверьян.

Эта статья — о цикле книг «Эхо и Его» И. Блудилина-Аверьяна, о цикле, который рождает много вопросов и который автор не успел завершить. Это цикл особый, исполненный напряжёнными духовными поисками.

Сказана крайне важная

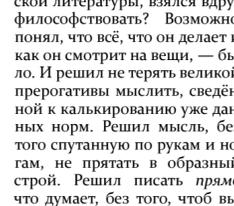
визма, столкнувшегося с проблемами, вынужденности объявить об «открытости» и необходимости внимания даже к метафизике. Автор не на словах, но кожей вдруг почувствовал, что личное бытие и всеобщие имеют один и те же корни. Это великий шаг. Это, если хотите, шаг от антропоцентризма к теоцентризму, но где-то рядом. Что есть антропоцентризм, первый поворот к которому сделал Сократом, а второй Кантом — и который, по большому счёту, Ницше окрестил «человеческим, слишком человеческим» («Menschliches, Allzumenschliches»)? Это пре-

рающиеся на «добро», вколоченное столетиями и апробированное отцом «второго антропологического поворота» Кантом. Блудилин-Аверьян ищет «глубин», как сам признает, идет там, где «взбалумушено», где поднята муть со дна, где уже нет «clare et distincte».

Нужно ли жизнь свою, сущностью, изначально не знающую стыда и совести, подвергать под «человека вообще», под проклятого умозрительного «das Man», под нормы, под «скоп»? Этот вопрос ставится им после мучительных колебаний, может быть, ночью, когда «ясность с отчётливостью» поглощаются бездной, стирающей положительные идеалы, формы, законы, императивы и выставляющей в странных снах таинственную изнанку «вещей в себе». О причинах не спрашивать оптимистичный самоодвольный «скоп». О причинах спрашивает страдание. «Эхо и Его», при всём видимом здравомыслии, при всей выдерживаемой традиционной стилистике, полна внутреннего напряжения, попыток вырваться из тысячелетних догм. А это трудно. Это безумно трудно.

И вот, рядом с фразами о том, что «личность — выше толпы, выше коллектива» и что «до Большого Мира и как оно устроено, мне никакого дела не было. Да и сейчас нет», рядом с этим находят приют долгие публицистическо-политического характера, то есть опять же обезвешенные, в общепринятых терминах, рассуждения о глобализме, современном мире, России и исторической ситуации. То показывается миру кушак, как показывал его «подпольный человек» Достоевского, — то перед нами критиканствующий интеллект, имеющий вполне позитивные решения проблем и забывший, казалось, что делал заявки на постижение «глубин». То апология государства, против которой либералы поднимают «вице» во многие «децибелы», — то мысль, что всюду, где «властвует большинство — там мертвечина, корпоративность, похрупание справедливости, угнетение личности». Как будто государство — не вотиорованный выбор большинства. То сожаление, что Ксенофан не вставил в свою фразу упоминание о «Тонком Мире», — то вдруг филистерское заявление по поводу Гиппиус, что «... тонких различиях есть что-то нездоровое, психопатическое, лихорадочное». Как будто сам только что не буждал от здорового, уравновешенного с его набором банальностей — к аномальному, начиная с безумца Христа, с психопатического Достоевского, с колеблющегося и преданного анафеме Толстого, с большого Паскаля и пр.

Великие вехи в индивидуальной судьбе начинаются, когда осмеливаемся переименовать «добро» в то, что раньше считали «злом». Неверие в это мещанство Блудилину-Аверьяну и выдает лукавство всех его «недоуманья», «думать». «Если б я верил в Бога и дьявола, мне было бы легче писать», — роняет он.

Блудилин Игорь Михайлович (лит. псевдоним Игорь Блудилин-Аверьян). Родился в 1946 в Крыму. Окончил в 1964 г. Московский горный институт. Работал горным инженером на угольных шахтах в Мосбассе, в Донбассе, на медном руднике в Казахстане, на урановых рудниках в Германии. Кандидат наук. Член Союза писателей России, автор журналов «Москва», «Наш современник», «Немига литературная» (г. Минск), «Нёман» (г. Минск), «Российская Федерация сегодня», «Проза», «Московский вестник» и др., газет «Литературная газета», «Литературная Россия», «Парламентская газета», «Российский писатель», «Московский литератор» и др. Автор книг «Совестное движение сердца», М., МИГЭК, 2004, и «Эхо и Его», М., МИГЭК, 2006. Прозаик, публицист, литературный критик, лауреат литературной премии им. С.Есенина, награждён Золотой Есенинской медалью Московской областной организации СП России и газеты «Московия литературная». Скончался в 2009 году в Москве.

фразы, в ней — автопортрет Блудилина-Аверьяна, как и в эпиграфе этой статьи, явившем его одержимым моралью, построенной на добре и зле. Мораль — его Цицлла с Харибдой, его проклятия. «Откуда добро? Откуда зло? Что такое добро? Что такое Ум, откуда он взялся?»

клонение перед разумом, базирующееся на идее необходимости. Если и Зевс невольник Необходимости, а библейский Бог в устах философов следует «законам своей природы», тем более человек должен стать под ранжир законов и их послушником. А поскольку знание сих законов даёт человеку не воображение и не память о рае (где вопросы о добре и зле, мучившие Блудилина-Аверьяна, возникли), но даёт их «дерзкая вознисть» разуму, жадно ищущего всеобщего и необходимого, которое есть законы, разум делается царём и задвигает неразрешаемые вопросы в область «вещи в себе» и трансцендентного.

В итоге человек, не могущий прибавить себе рост ни на вершок, оденко как-то созданный во всей сложности, отправляет Творца на кулички и начинает проклять «добро» как основу прогресса, устанавливая определённый, научно-моральный взгляд на вселенную, на общество, на сексуальные отношения, на философию — «слушанку науки», на всё. Как человек жил в эру Горгон или в Средневековье — забыто. Тёмные области истории зачеркивались ради уяснения того, что высшая стадия человеческого развития в сайентизме и в открытии Microsoft. Пишется литература, рассматриваемая образцом должного мышления. Воспитываются когорты и армии просвещённого человечества, для которых неког-

рающиеся на «добро», вколоченное столетиями и апробированное отцом «второго антропологического поворота» Кантом. Блудилин-Аверьян ищет «глубин», как сам признает, идет там, где «взбалумушено», где поднята муть со дна, где уже нет «clare et distincte».

Нужно ли жизнь свою, сущностью, изначально не знающую стыда и совести, подвергать под «человека вообще», под проклятого умозрительного «das Man», под нормы, под «скоп»? Этот вопрос ставится им после мучительных колебаний, может быть, ночью, когда «ясность с отчётливостью» поглощаются бездной, стирающей положительные идеалы, формы, законы, императивы и выставляющей в странных снах таинственную изнанку «вещей в себе». О причинах не спрашивать оптимистичный самоодвольный «скоп». О причинах спрашивает страдание. «Эхо и Его», при всём видимом здравомыслии, при всей выдерживаемой традиционной стилистике, полна внутреннего напряжения, попыток вырваться из тысячелетних догм. А это трудно. Это безумно трудно.

Лукавит! Всё-таки верит — но больше всего в виде «добро», предложенного как плод с древа познания в ущерб плодам с древа жизни (сказал змей змеи: «ваз дени, в который вы вкушите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло»). Быт., гл. 3, 5). Остаётся поверить теперь и Богу, раз хочется жизни, да и сам Блудилин-Аверьян знает, что истинный прогресс — это движение к осознанию Божественного в себе, к познанию тайны жизни, к служению высшему в себе».

И — душа обнажилась. В выпыхах «Эхо и Его».

Но, не отживавшись на «Его» чистое, сопрягла себя с «Эхо», которое голос мира. Однако в реальности выйти из всеместа хотя б частично — подвиг. Критик А. Суворов замечательно не передвинул двойственность ампла Блудилина-Аверьяна тем, что отнёс его одновременно к «ниспровергателям основ» и к «консервативному традиционализму». «Его» автора ссылается постоянно на «Эхо», кое эпоним ценностей мира сего. Угнетённая душа почувала, что пришла пора кризиса содержания жизни, которое, как ни верди, пошло; надо менять его, ведь новое не рождалось в старом. Новое брате пора в абсолютном, после того как его, абсолютное, то есть Бога, убила наука с нравственностью (вспомним Канта, пославшего Бога в трансцендентное с трансцендентным, проще, к чёртовой матери, и Толстого с его «Бог есть добро», свёдшим сатериологию к моральному агитпропу). Новое — в Абсолютном, гранью добра и зла, вник Блудилин-Аверьян, — в Боге, перед которым общес с его здравым смыслом мелко и, знаем, греш-

Что здесь важно? Важно не то, что некогда свершилась подмена: Бог заменён был плодами с древа познания зла и добра, то есть этическим, запрещённым Богом; Бог подменён был этикой. Важно не это. Важно, что Блудилин-Аверьян, задаваясь проблемой, явил, что бежит из выраженного сном «доброем» и «злом» мира, полного пышной, культурной образности прогресса и идеалов, снова в рай, где стоит, как Адам, под деревом познания зла и добра с вопросом: не дал ли гнилое дерево гнилой плод? Может, стоить с другим вопросом, но то, что вопрос о качестве зла и добра — бесспорно.

Важно, что Блудилин-Аверьян вернулся к истокам всемирных ценностей, чтоб поверить их.

Важно, что он вновь жаждет (под восклицательный знак, см. выше) «последних ценностей» — тех сверхчужденных оснований, что отрицал позитивизм, — по крайней мере, до стадии постпозитив-

Идёт поиск Бога. А Он — не в «ясном и отчётливом» нравственности и науки. В «ясном и отчётливом» Его меньше всего. Бог — в безднах снов, в «глубинах» Сербяного века, в «взбалумученных темах», пришедших автору по сер-

Пусть падают в бездну — удел героев. Но Блудилину-Аверьяну назад пути нет. Нет уже пути назад ни в переносном, ни в прямом смысле. В своём «Эхо и это» он вышел бесповоротно в мир новых измерений. И оставил нам урок.

Урок того, что свобода — не в выборе меж «доброем» и «злом»; это как раз неволю. Свобода — это как раз то всё тебе было, как Бог, «добро зело». Свобода — это неограниченная возможность.